

Урок закончился, и трое детей, не найдя лучшего слова для описания Гарри и Гермионы, отправились спать. Следующий день должен был быть очень насыщенным: встреча в Гринготтсе и рождественский шопинг. Кроме того, Гермиона и Гарри должны были найти способ оторваться от двух других и получить Волшебные палочки без Следа, так как в этом времени они не могли отозвать разрешение опекуна до совершеннолетия.

Пэппи провёл Гарри в одну из свободных спален, а Гермиона сразу же ушла в ту, что находилась напротив. Его комната, или комнаты, были очень милыми, оформленными в мягких земляных тонах, а ванная комната была выложена белой плиткой. Будучи совершенно измотанным за день, единственное, что сделал Гарри, прежде чем рухнуть в постель, - почистил зубы (иначе Гермиона на него рассердится) и надел пижаму.

Однако теперь, когда он лежал в удобной позе, ему никак не удавалось успокоиться настолько, чтобы уснуть. Его терзали сомнения и тревоги, и, как и у многих людей, они никогда не были сильнее, чем в тот момент, когда он пытался заснуть. Гарри чувствовал огромную вину за то, что не вытащил своего крестного из Азкабана прямо сейчас, хотя знал, что у него нет никакой возможности сделать это. Он чувствовал себя виноватым за то, что солгал друзьям о том, кто, а точнее, сколько ему на самом деле лет. Он прекрасно понимал, что манипулирует многими людьми; он делал то же самое, что и Дамблдор в старом времени и пытался сделать снова.

Не то чтобы Гарри действительно винил старика, хотя, на его взгляд, сделать это было бы легко. Просто он становился очень, очень старым, а с этим приходила необходимость совершать всё больше и больше ошибок с течением времени. Единственное, в чем он действительно винил Дамблдора, так это в том, что тот так и не нашел времени, чтобы создать достойного преемника. И, возможно, не осознал опасность Тома Риддла, когда еще было время. И за то, что он ничего не сделал с Крестражами, как только у него появилась хоть малейшая идея...

"Ладно, возможно, я виню его во многом. Но его мотивы чисты, и хотя его методы плачевны, никто не стал бы винить его, если бы это сработало", - размышлял он. Размышления были прерваны звуком открывающейся двери.

"Тоже не спится?" - услышал он голос Гермионы из тени, вошедшей в его спальню.

"Нет. Гермиона, что ты...", - начал он, чувствуя, как она забирается к нему в постель. Он сразу же напрягся; это был первый подобный контакт с тех пор, как...

"Гарри, в чем дело?" - услышал он обиду в ее голосе, обиду от того, что он отстранился от объятий, в которых она, казалось, отчаянно нуждалась. Боль Гермионы всегда выводила Гарри из ступора.

"Ты тут ни при чем, милая. Просто... знаешь, в последний раз я был таким с кем-то..." Гарри пожал плечами в темноте, зная, что Гермиона не сможет этого увидеть. В любом случае, этот жест был скорее для него, чем для нее.

"О, - простонала она разочарованно. "Я могу уйти, если хочешь..."

"Нет, пожалуйста, останься. И ты был прав, я не могу уснуть. Я все время думаю обо всем, что мы делаем и планируем сделать. Например, должны ли мы были уже освободить Сириуса, или мы не такие же манипуляторы, как Дамблдор?" Было приятно высказать свои опасения единственному человеку, который мог понять его.

На этот раз, когда Гермиона прижалась к нему, он не отстранился. Вместо этого он заключил её в крепкие объятия, которых, как он знал, жаждали они оба, - настолько сложными были те чувства, которые он испытывал при этом.

На памяти Гарри это была одна из лучших ночей для сна, пока будильник, который принесла разумная Гермиона, не прозвенел в 5:30.

5:30 утра.

"Что это?" - сильно недоспавший и раздраженный Гарри поднял голову из-за спины Гермионы, где он уютно устроился в локонах ее кустистых волос. Увидев на прикроватной тумбочке старинные механические часы, он тут же выключил их. Не было смысла будить весь дом.

"Гермиона, проснись". Он осторожно потряс свою девушку, но она лишь повернулась к нему лицом и положила голову ему на грудь.

"Гермиона, как бы мне это ни нравилось, я думаю, ты не зря завела этот будильник, пора просыпаться", - настаивал он более твердо, заставляя ее приоткрыть один глаз и посмотреть на него.

"Я не хочу, мне здесь слишком уютно. Из тебя получается отличная подушка", - зевнула она, после чего снова обняла его.

Наконец ему удалось вывести Гермиону, которая, как оказалось, поставила будильник так, чтобы быть в безопасности в своей постели, когда все остальные проснутся, из сонного состояния, о чем он очень жалел, ведь она была такой милой, и уложить ее в свою кровать.

Они договорились "проснуться" в половине шестого и встретиться в гостиной, чтобы немного попланировать.

В назначенное время Гермиона медленно шла к месту встречи. Она очень нервничала, так как начала беспокоиться, что Гарри может рассердиться на неё за то, что она появилась в его комнате накануне вечером. Конечно, было больно чувствовать, как он отстраняется от объятий, в которых она так нуждалась, но она понимала, почему. Если даже что-то такое невинное и прекрасное, как любовные объятия, было омрачено плохими воспоминаниями, то тем более не стоило осуждать такие вещи, как зельеварение.

Когда она вошла в комнату, большинство её страхов развеял Гарри, широко улыбнувшийся ей. Но при этом он выглядел довольно извиняющимся.

"Гермиона, мне очень жаль, что я вчера отстранился от тебя, это было...", - начал он, но на этот раз Гермионе было не до его самоуничижения.

"Нет, Гарри. Тебе не о чем сожалеть, единственная, кто сожалеет, - это я. Я не должна была так появляться. Просто... Я вспомнила кое-что из старого времени, и мне очень нужно было тепло. Прости, что так получилось, - поспешно сказала она, боясь потерять набранное мужество.

Гарри долго и внимательно смотрел на неё. Наконец он убежденно сказал: "Гермиона, никогда не извиняйся за то, что тебе нужны объятия. Мерлин знает, что мы видели достаточно, чтобы оправдать это время от времени".

Несмотря на их планы, до пробуждения остальных членов дома оставалось совсем немного.

<http://tl.rulate.ru/book/113770/4299374>